

# ЧАСТЬ I. ВРАГИ НАРОДА

Бегите из рая, таежные черти  
Тут райские кущи из елей и шишек,  
Собаки поют серенады о смерти  
И ангелы светят прожектором с вышек.

Бегите из рая, несчастные черти,  
Бегите на нижние уровни ада:  
Там встретят вас тоже цепями и плетью,  
Но будут, хотя бы, вам искренне рады...

Адик Дорн (из «Песен неволи»)

## ВОРОТА НА МОСКВУ

Клепп был плотный, мордастый и наглый. Петка, наоборот, тощий и временами почти стеснительный, а также довольно-таки бестолковый. Петка, например, никак не мог взять в толк и охватить убеждением тот факт, что стоящий перед ним Якоб Шроттке, задумчиво ковыряющий в носу, разглядывая винтовку Петки – это не просто трехлетний ребенок, но махровый немецкий диверсант, открывший Гитлеру ворота на Москву с восточной стороны. Это не умещалось у Петки в голове. Мать Якоба, тещедушная Агнес, та – еще куда ни шло: могла и попытаться открыть эти самые неведомые ворота, но и то, по мнению Петки, вряд ли осилила бы сдвинуть их с места – особенно под пристальным наблюдением целой доблестной армии НКВД, одним из воинов которой был и сам Петка. Сам себя Петка считал отличным солдатом «ЧеКа» – передового отряда Партии. Была, правда, у него одна слабость, которую он посылно скрывал: постоянные сомнения, изматывавшие его психику. Эти сомнения касались всего подряд. Чистить или не чистить сегодня сапоги? Здороваться или не здороваться с Евграфовым, которого вчера комсомольцы взвода прокатили в стенгазете? Написать или не написать своим в деревню про то, что ему со следующего месяца будут платить на пятнадцать рублей больше? Ну и так далее. Вот и теперь Петка отводил глаза, не выдерживая просящих, а, может быть, и просто вопрошающих взглядов своих пленников, в частности – маленького Якоба, невинно прикидывающегося трехлетним ребенком, которому, может быть, и не три годика вовсе, а все тридцать три, и он на самом деле карлик, например, засланный сюда Гитлером под видом малого ребенка? И вообще: чего они все время вопрошают, сволочи? Они ждут от него, простого солдата, ответов на свои вопросы? Так он и сам ничего не знает толком, кроме того, что они, все эти вопрошающие немцы есть враги народа. А он, Петка – солдат, который их стережет, обыкновенный красноармеец с тремя классами послереволюционного, деревенского образования, но зато с властью на кончике штыка, размеры которой все еще пугают его самого, хотя он уже и второй год как служит в энкавэдэ. Ему приказали сопровождать этих опаснейших преступников: народ-диверсант, задумавший ударить свою Родину ножом в спину – он их и сопровождает. Все, точка. Отвечать на их вопросы – не его ума дело!

А пока Петка твердо знал лишь одно: этот подлый народ был недавно разоблачен Великим Сталиным, автономная республика этих предателей отменена и распущена, и ему, Петке лично, вместе с другими доблестными чекистами поручено доставить врагов по назначению куда-нибудь подальше к черту на рога, откуда они не смогут сигнализировать Гитлеру: например, вот сюда вот, в эту вот тоскливую степь, где их высадили посреди ночи. Удивительно, что Великий Сталин всех их пощадил, и вместо того, чтобы приказать их расстрелять всех до единого или развесить по всем столбам их предательской республики, он просто отправил их за счет государства в Сибирь и в Азию – да еще и со справками об изъятом имуществе, и с вещами, и с запасом еды, а не как других – тех же кубанских кулаков, к примеру, которых выгнали из их домов и отправили в леса и степи в одних портках: валить деревья и строить тюрьмы для следующих волн врагов народа. Вот и возись теперь с этими бестолковыми немцами, которым кричишь «Пошолнах!», а они отвечают «Вибитте» и хлопают глазами. Но Сталину, конечно, видней. Сталин – величайший из всех живущих и уже умерших мудрецов! Это Петка знал твердо, и это было единственное, в чем он не сомневался ни секунды, потому что даже короткая секунда такого рода сомнений могла стоить ему жизни: эту истину Петка уже успел достигнуть за время своей недолгой службы трудовому народу в рядах энкавэдэ. Поэтому – прочь сомнения и на сей раз: если великий Сталин сказал, что трехлетний Якоб Шроттке – диверсант, значит он диверсант и есть. И винтовку он рассматривает, наверно, тоже с сугубо

диверсантской точки зрения, изучает конструкцию затвора, например, чтобы сообщить потом своим гитлеровцам. Потому что великий Сталин никогда не ошибается.

И убедившись окончательно, что трехлетний Яков – враг народа, Петка гнал его от себя грубым словом, хотя и не бил: в конце концов, Петка родился в деревне, где к детям и к скоту приучали относиться бережно, именно от них зависело будущее. Но то было в прошлом. Теперь, при советской власти все устроено иначе, знал Петка: при советской власти все зависят только от советского, социалистического государства, от родной Партии и от товарища Сталина, который является для этого государства и рулевым, и капитаном, и судьей, и прокурором, и беспощадно карающим мечом возмездия одновременно. Все это, и многое другое разъяснял Петке в том числе и его друг Клепп. Это был его старший, более опытный товарищ, прошедший огонь и воду, и даже трубы – не медные, правда, а простые, водопроводные, которыми Клепп был бит, когда арестованные взломали автозак и сбежали. С тех пор Клепп был всегда начеку, и тому же самому – а именно: быть всегда начеку – учил и своего подчиненного Петку.

Враг народа Яков убежал от Петки без слез. Плакать в эшелоне разучились все – даже дети: это было и бессмысленно, и опасно. И вообще плачут, чтобы стало легче или чтобы чего-нибудь добиться. Но легче стать все равно не могло, а добиться можно было лишь ареста и снятия с поезда. Еще плачут от обиды. Но это с непривычки только, когда обиды – в новинку. А еще плачут со страху, но и страха больше не было. То есть он был, но хронический, привычный – он застыл в костях и никого больше не содрогал. Все силы тела были сосредоточены только на одном: выжить. Слезы тут не помогали: они лишь вымывали соль из организма, которую следовало беречь, а потому были недопустимы. То есть их просто не было. На это обстоятельство внимание Петки обратил Клепп: совсем не плачут, сволочи, потому что закаленные лично Гитлером, потому и враги. А с врагами нужно поступать по-вражески!

Юный враг Яков, отосланный по-русски к такой-то матери, не понимая русского языка, догадался тем не менее детской интуицией своей, что гонят его вовсе не к собственной маме, а непонятно куда. Он отошел в сторону и рисовал теперь палочкой большие круги на земле. Возможно, это были опознавательные знаки для гитлеровских самолетов. Но если бы Якова спросили сейчас, что он рисует, то он скорее всего издал бы враждебный Петке звук: „Brot“. Хотя слово «хлеб» маленький Яков умел уже произносить и по-русски – беда является лучшим учителем словесности. Но по поволжской привычке он произнес бы все-таки, пожалуй, на поволжском диалекте слово: «Прот».

На немецкий, поволжский лад звали переселенцы и своих конвоиров – Глеба и Петьку: Клепп и Петка. Клеппа не любили: он бесцеремонно брал все, что хотел. Он всегда хотел жрать, а поскольку довольствие для конвоя отсутствовало с момента выгрузки в степь, то он и брал сам. А чего дипломатничать с врагами? Их сам Сталин наказал, а нам, маленьким исполнителям воли великого вождя, и сам Бог велел, чтобы им это наказание медом не казалось. И пшеном – тоже. И картофелем. И кукурузными лепешками. И Клепп приходил и брал, что ему надо: одеяло, хлеб, даже сало или шмальц – если у кого подобное сокровище еще обнаруживалось в глубоко заначенных запасах.

Петку, наоборот, иногда почти любили: во-первых, он был тоже крестьянин – это было написано у него на лбу. Во-вторых, у Петки была совесть: он голодал, но ничего не брал сам – только стоял и сглатывал, пока ему не давали поесть. Петка даже штык от винтовки одолжил как-то однажды Аугусту Бауэру, чтобы тот мог выкопать землянку. После чего получил от Клеппа строжайший выговор с последним предупреждением и спешно забрал штык назад. Но Аугуст уже успел к этому времени пробить полметра самого твердого слоя и дальше копал уже разными металлическими предметами из домашнего скарба, и выгребал грунт руками.

Ох уж этот Клепп. Однако, терпели и Клеппа. Во-первых – деваться все равно было некуда, а во-вторых: «Все-таки, эти двое – они оба представители государства, – толковали депортированные, – и даже хорошо, что они нас охраняют: на нас никто не нападет, это во-первых, и никто не скажет при таких авторитетных государственных свидетелях, что мы, немцы, тут, в степи, опять ЭТОМУ ворота открываем: это уже во-вторых» (слов „Hitler“, или „Stalin“ немцы старались не произносить, чтобы у «представителей государства» не возникло ненужных подозрений о диверсионном сговоре).

Петка и Клепп – союз революционного рабочего класса и трудового крестьянства, две могучие силы, слившиеся в передовой отряд под названием «ЧеКа», чтобы щитом и мечом пробить для народа дорогу к светлому будущему, к коммунизму. Здесь, в степи, вместе с депортируемыми, они тоже бились за светлое будущее, и эту истину Клепп постоянно вдалбливал bestолковому Петке. «Магнитная стрелка партийной сознательности не должна затупиться у чекиста ни при каких жалостных обстоятельствах, – говорил он, – а не то тебе конец, Петька». Петка согласно кивал, хотя про магнитную стрелку соображал туго: где она располагается и как проверить ее на остроту заточки, но ничего не спрашивал, чтобы не сойти за полного придурка в глазах Клеппа. Глядя на этих двух чекистских воинов, становилось до наглядности понятно, почему в революции победили именно большевики, а все остальные – эсеры, народники, кадеты и прочие горлопаны – сошли с круга. Слезливые горлопаны сошли с круга потому, что слишком настырно протягивали к народу свои

добрые руки, что-то постоянно суля и предлагая ему. Русский народ, по природной доверчивости своей вечно надуваемый со всех сторон, научился за тысячелетия осторожности: чем больше к нему лезут с добрыми руками, тем больше он опасается. Поэтому народ не пошел за эсерами-кадетами-народниками и прочими горлопанами. Он, на самом деле, за большевиками тоже не пошел, однако большевики поступили принципиально иначе в сравнении с прочей революционной нечистью: они никому рук протягивать не стали, они просто явились с наганами, перестреляли кадетов-народников-эсеров и прочих конкурентов и взяли себе все целиком и разом. Взяли в рабство в том числе и сам народ и объявили его объектом грандиозного социального переустройства. Взяли они и то, что нашли у народа по сусекам, коробам, на печи и под лавкой, и в сарае, и в подвале, и в хлеву; и из буфета-горки тоже все вытрясли, вымели все под метелку, короче. И ограбленный, враз до нуля обнищавший народ просто-напросто вынужден был немедленно встать к большевикам в очередь за миской каши да еще и с благодарностью за то, что ему позволяют выжить. А большевики распределяли эту кашу по своему усмотрению, оставляя за собой право попенять крестьянину за дармоедство. Большевики были мудры, как сам сатана, и стали через это сильными, как миллион Клеппов. Они пасли свой народ, как муравьи пасут тлю, питались от народа, сортировали его по своему усмотрению и расчетливо, со знанием дела расстреливали. Народ относился к расстрелам не совсем равнодушно – на что и был расчет! – и вот уже в массах осиротелых родственников зарождались новые потенциальные враги, и как круговорот воды в природе ежесекундно питает жизнь на земле, так круговорот врагов в народе давал советской власти бесплатную рабочую силу на строительство коммунизма – самого светлого будущего в истории человечества. Это должно было быть такое будущее, какое человечеству еще не снилось...

Об этом светлом будущем, какое немцам еще и не снилось, Клепп, построив немцев в шеренги, проводил с ними иногда яростные агитпропаганды: без всяких инструкций, от себя лично, от имени своего собственного, революционно бьющегося сердца (этим прежние коммунисты отличались от последующих поколений, живущих только умом и расчетом, но уже не сердцем). Немцы ничего не понимали из речей Клеппа, но со всем соглашались – лишь бы разойтись поскорей: на ветру стоять было холодно. Как правило, агитбеседы заканчивались «обходом». При обходах Клеппу положено было давать еду. Это называлось «продналогом в пользу представителей государства»: штука, хорошо известная немцам и по Поволжью. Поэтому давали – кто со вздохом, а кто и со слезами.

Да, немцы кормили вечно голодных Петку и Клеппа. Но и конвоиры оказались нужны переселенцам. Именно они, как официальные представители государства, наладили контакт с «большой землей». Конечно, сделали они это не ради спасения немцев, но лишь ради собственного выживания, потому что на носу была зима, а пост не бросить, а выжить на морозе в степи по стойке «смирно» невозможно; как невозможно выжить и бегая кругами вокруг этого проклятого лагеря прикинувшихся советским народом немецких диверсантов – уже всю кашляющих, уже вырванных голыми руками первую могилу поблизости; диверсанты, как оказалось, вовсе не отличались могучим здоровьем: тут Гитлер просчитался, сволочь, и пособники его дохли как мухи. Но и Петка, и Клепп отлично понимали: когда у этих вражин кончится еда – тогда и им, доблестным представителям славной армии НКВД наступит, заодно, тот самый знаменитый «Гитлер – капут». И вот старший по званию Клепп двинулся по шалам в сторону северного горизонта в поисках довольствия и дальнейших распоряжений.

В его отсутствие Петка снова дал свой штык Аугусту, а мать Аугуста Петке – тарелку гороховой каши, хотя сушеный горох уже был на вес золота, и как пережить зиму – никто не знал. А уже висел по утрам на стылых ковылях колючий иней и звенел на морозе от прикосновений и сам по себе, и звон этот был пронзительно тонок и недобр. Зато работа по вкапыванию в землю пошла быстрее, гораздо быстрее. Кстати сказать, та яма, которую Аугуст уже успел вырыть, пошла на упомянутую могилу: не мог Аугуст отказать односельчанам, соседям по улице, семье Циммеров, с которыми прожил и проработал рядом всю свою жизнь; у тех к общей беде добавилось личное горе – умер трехмесячный ребенок, а на следующий день добавились еще и Липперты, у которых умерла бабушка. Так и похоронили ребеночка на груди чужой бабушки, завернув обоих в кем-то пожертвованную холстину. Получилась мертвая связь поколений по-советски. Но избави Бог: Аугуст этого даже у себя «дома», в шалаше из ковыльных снопов не осмеливался проговорить: только подумал. Он и раньше любил иногда поразмышлять об устройстве мира и предназначении человека в нем.

Так вот: теперь, когда осень уже надвинулась вплотную и стало ясно, что ковыль от зимы не защитит, нужно было торопиться изо всех сил. Прежде всего из-за отца. Отец все время мерз, и опухлость его не спадала: сердце недокачивало и болело. Ночами он тихо стонал и боялся умереть. Днем почему-то не боялся. Аугуст копал теперь все время, без перерывов, даже ночью, если сил хватало. После того, как Клепп отбыл на север и никто не верил, что он вернется, и после того, как Петка дал Аугусту штык, работа стала продвигаться быстро. Правда, теперь уже не там, где вначале, возле путей, но подальше, примерно в километре от железной дороги – там, где горбатились холмики

и тянулась куда-то балочка с ручьем. Ручей был едва жив, но все-таки это была вода, а значит – жизнь. Надолго ли? – это отдельный вопрос. Холмики – это было просто везенье, которое в данной ситуации можно было считать за счастье: под такой холмик можно было подкопаться, и он создавал естественную, непротекающую крышу; и можно было пробить косо дыру для дыма, и занавесить вход ватным одеялом; и насобирать побольше ковыля на зиму: еще целый стог можно было успеть насобирать. И тогда зима, глядишь, и помилует. Как быть с едой когда кончатся запасы – об этом пока думать не хотелось: надо было просто рыть, а не рассуждать. И Аугуст рыл. Мужчины из других семей уже стояли в очереди за штыком, и Петка перестал голодать и стесняться: он теперь, в отсутствие Клеппа ходил петушком и даже покрикивал. Поскольку делать ему было абсолютно нечего, то он принялся обучать немецких переселенцев русскому мату. Они повторяли за ним, а он заливался на всю степь жеребьячим хохотом, а иногда даже падал на спину и дрыгал ногами, а затем бегал вокруг «лагеря» и произносил эти же свои ругательства, но уже с немецким акцентом, отчего распался себя и гоготал еще громче. Немцы смеялись с ним вместе и говорили друг другу тихонько: „Ober konz vorükt isch toch tiser“. Хорошо, что Петка ни слова не понимал по-немецки, волжского диалекта русских немцев – тем более, а то бы он показал им «конц фюрюкт», то есть – «совсем чокнутый». Он бы и штык у них отобрал немедленно, и в город ушел бы от них стгоряча: пускай сами подышают без него!

Но Петка не понимал ни хрена и веселился уже с утра, когда на его «гут морген» ему отвечали его же русскими, выученными вчера словами. «Ну, немчура!, – вопил он в восторге, – ну, босота саратовская! Ничё не умеют!». На радостях он даже позволил своим подконвойным перебраться поближе к холмам, поскольку сказано было при отправке эшелона: «на свободное поселение». Это означает: хочешь – у рельсов, а хочешь – у холмов. Зачем-то великий Сталин дал своим врагам такую вот обширную свободу передвижений. Но Сталину видней, Сталин сверху видит все! И Петка отправился охранять порученных ему депортированных к холмам. Ему было все равно, где их вражеским душам подышать милей: у холмов или возле рельсов!

А жизнь, между тем, полна сюрпризов, и многие из них возникают на физиологической основе, а не на идеологической. Так вот: в семье у Элендорфов была девочка Эмма, и Петка в нее влюбился от нечего делать. Эмме было всего пятнадцать лет, и она не знала еще, как себя нужно вести, когда тебя пытается обнять полномочный представитель НКВД при исполнении. Она стала вырываться и поцарапала представителю НКВД глаз до самой ноздри. А мать Эммы ударила к тому же Петку сзади ведром по голове. Это был бунт, и ради усмирения его Петке нужно было полноценное вооружение. Поэтому он забрал у Аугуста свой штык, приладил его опять к винтовке и распорядился почти готовую землянку отвести под тюрьму, в которую и посадил под арест строптивую Эмму. С матери девочки он потребовал – до суда! – подписку о невыезде, однако не на чем было ее составить, и она была сделана в устной форме. Депортированное в степь немецкое население отреагировало на эту меру воздействия, по мнению Петки, с большим пониманием и даже покивало-покачало головами, произнося все то же свое: «конц пшоерт истер шайскерл квора» (что в переводе с диалекта означало: «совершенно спятил этот засранец»), что Петка интерпретировал, однако, как «так ей и надо». «Конечно, так ей и надо!», – согласился с немцами Петка: «потому что власть есть власть, и энкавэдэ – это вам, гансы, не палец в жопе, но карающий меч революции в крепких ножнах, который можно быстро достать из ножен и сделать того самое: чик-чирик и гитлер-капут. Всем понятно?». Про «капут» всем было хорошо понятно, и депортированные дружно закивали.

«Их можно даже постепенно того: перевоспитать тут в степи», – подумал удовлетворенный Петка, обдавшись жаром от мысли, до какой же крайней степени всегда прав товарищ Сталин, и направился в новую землянку-тюрьму перевоспитывать хотя бы эту глупую Эмму для начала. Однако, персональной педагогике Петки не суждено было осуществиться.